

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

---

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

ЗНАЧИМЫЕ ДЕТАЛИ

Среди некоторых лингвистов и в особенности нелингвистов широко распространено мнение, что лингвистика, да и вообще все гуманитарные науки, в отличие от математики, не характеризуются большой строгостью и точностью. Любая гипотеза в языкознании имеет право на существование. Это просто точка зрения автора. При этом предполагается, что в неточной науке эти точки зрения или невозможно, или вообще трудно опровергнуть.

Ныне уже покойный большой специалист в области латинского языка и римской литературы С. П. Гвоздев всегда любил говорить, что в филологии нет мелочей. И он был глубоко прав. В языке каждая деталь значима. Иногда совершенно незаметный и частный факт содержит в себе больше смысла, чем гипотеза, подкрепленная хорошо известными фактами.

Начнем с деталей. Во всех тюркских языках существует оппозиция двух фонем *ч* и *ш*. Однако оппозиция фонем *дж* и *ж* для тюркских языков нетипична и мало естественна. Согласный *ж* в тюркских языках изредка встречается в звукоподражаниях. В казахском языке *ж*, как известно, происходит из *дж*. Слабость этой пары оппозиции имеет определенные причины. В тюркском праязыке не было ни *дж*, ни *ж*. Позднее *дж* появилось в некоторых тюркских языках вследствие аффрикатизации начального *j*, но *ж* при этом слабо развивалось. Это свидетельствует о том, что оппозиция *дж* и *ж* не использовалась в достаточной мере как смысловоразличительное средство.

Некоторые тюркологи утверждают, что в тюркских языках существуют совершенный и несовершенный виды. «В казахском языке, — пишет И. Е. Маманов, — всеохватывающими видами являются совершенный и несовершенный. В казахском языке нет глаголов, которые не характеризовались бы с точки зрения совершенности и несовершенности действия».¹ К сходному выводу приходит А. И. Харисов, выделяющий в башкирском языке два вида — незаконченный и законченный (результативный).²

Однако в этих суждениях не учтены некоторые мелочи, имеющие большое значение для решения вопроса о наличии совершенного и несовершенного вида в тюркских языках. Насколько из-

вестно, формы совершенного вида в русском языке не могут быть употреблены в настоящем времени. Например, глагольная форма *я закончу* может относиться только к будущему времени, а не к настоящему. Это и понятно. Характерная для настоящего времени длительность действия несовместима с идеей отсутствия действия. Для того чтобы употребить формы совершенного вида в настоящем времени, необходимо устранить в них значение законченности действия, превратив их в формы многократного вида, например: «Он *заканчивает* работу в пять часов», «футболист *забивает* гол» и т. д.

В тюркских языках существуют глаголы, составленные из деепричастия на *-ыл* и вспомогательных глаголов, которые почти все тюркологи рассматривают как способ выражения совершенного вида в тюркских языках, например: тат. *язып алдым* 'я написал', *алып китте* 'он унес', *йотып жибәрде* 'он проглотил' и т. д. Однако эти выразители совершенного вида ведут себя в языке самым удивительным образом. Они могут употребляться в настоящем времени, не подвергаясь при этом никаким изменениям, ср. в татарском: *Танжларыңу берсе һавага ялкын атып, яңа баишый, икенчесе дә туктап кала* (Г. Эпсәләмов. Газинур) 'Один из танков, выбросив в воздух пламя, начинает гореть, другой останавливается'.

Это объясняется тем, что основной акцент в тюркских сложных глаголах, образованных из деепричастия на *-ыл* и вспомогательных глаголов, падает не на выражение совершенного вида, а на лексическую характеристику глагола.* В форме *туктап кала* 'останавливается' показано, что движение прекращается и танк застывает в неподвижном положении, а не то, что действие достигает определенного предела. Предельность действия в данном языке осложнена дополнительным оттенком. Глагольная форма здесь иначе ориентирована, чем в русском языке. Этим и объясняется, что глаголы подобного типа могут в татарском языке употребляться в настоящем времени.

В некоторых тюркских языках существуют глагольные времена типа английского Past continuous tense, ср., например, в татарском: *Морозов килеп кергәндә, алар, өстәлгә иелеп картага карап торалар иде* (Г. Эпсәләмов. Газинур) 'Когда вошел Морозов, они, склонившись над столом, рассматривали карту'. *Иртән ук фермадан кайтканда, Хөббениса карчык ишек алдында тавык-чәбешләр ашатып йөри иде* (Р. Төхфәтуллин. Авылым хикәяләре) 'Когда он утром возвращался с фермы, старуха Хоббениса кормила на дворе цыплят'.

Континуозные формы чаще всего развиваются в языках, не имеющих видовых оппозиций. Эта закономерность сравнительно

---

* Глаголы, образованные по этой модели, могут также выражать длительное действие. Это значение придается особыми вспомогательными глаголами.

легко объяснима. В языках иногда возникает необходимость создания так называемого фонового действия, в рамках которого осуществляется другое действие. В языках, различающих глагольные виды, для создания фонового действия может быть использован глагол несовершенного вида, ср. в русском языке: *Когда я зашел к товарищу, он упаковывал вещи*. В языках, не различающих категории глагольного вида, отчетливого выделения фонового действия не получится. Поэтому такие языки более часто прибегают к созданию особых континуозных времен.

Прошедшее время, характеризующееся в тюркских языках показателем *-ды, -ди*, обладает поразительной исторической устойчивостью. Нет тюркского языка, в котором бы оно отсутствовало. Можно предполагать, что это время также существовало в тюркском праязыке. Чем объяснить необычайную историческую устойчивость этого времени? Такая устойчивость объясняется тем, что это время индифферентно в видовом отношении. Если бы оно обозначало только длительное действие, не достигшее предела, то оно долго не сохранилось бы, поскольку времена такого типа исторически неустойчивы.³

Эти незначительные детали, на которые обычно никто никогда не обращает внимания, явно свидетельствуют о том, что в тюркских языках нет сформировавшейся категории глагольного вида.

Для выражения отрицания действия или состояния в тюркских языках используется особый отрицательный суффикс, присоединяемый к основе глагола, ср.: тур. *bil-mi-yorum* 'я не знаю', тат. *ал-мый-м* 'я не беру', *бөл-ми-м* 'я не знаю' и т. д.

История этого суффикса до сих пор не выяснена.

Мы считаем целесообразным обратить внимание на известное звучие этого суффикса с довольно распространенным в тюркских языках суффиксом отглагольных имен существительных *-ма*, ср. тур. *dolma* 'начинка', аз. *айма* 'вырезка, ямка', чув. *касма* 'переход мостки', кирг. *догма* 'рождение' и т. д. Преобладающее большинство этих отглагольных существительных обозначают результат действия, когда само действие уже давно закончилось. Фактически его нет.

Можно предполагать, что элемент *-м* некогда был ассоциирован с отсутствием действия и использован как средство отрицания.

А. М. Щербак утверждает, что в огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках *з* (*δ*) появился вследствие ослабления *с*, вызванного наличием первичной долготы у предшествующего ему гласного. Для подтверждения своей гипотезы А. М. Щербак обычно ссылается на данные туркменского и якутского языков, где действительно во многих случаях в соответствующих словах содержится долгий гласный. Некоторые показательные примеры: кирг. *муз* 'лед', турк. *бүд*, як. *бүс*; кирг. *каз* 'гусь', турк. *гәд*, як. *хас*; кирг. *саз* 'болото', турк. *дәд*; кирг. *жаз* 'весна', турк. *јәд*, якут. *сас*; кирг. *кыз* 'девушка', турк. *гыйд*, якут. *кыыс*; кирг.

жуз 'сто', турк. *jüđ*, якут. *сүс*; кирг. *öz* 'сам', турк. *öđ* 'сам', якут. *йүс* 'середина'.⁴

Эти примеры как будто бы вполне подтверждают сделанное А. М. Щербаком предположение. Отсюда можно сделать вывод, что в тюркском языке *з* в абсолютном исходе не встречалось. Ему первоначально соответствовало *с*.

Ударные и наличие долгого гласного в односложном слове несомненно создавали участок напряжения: *qās 'гусь', *rūs 'лед'. Возникла необходимость этот участок напряжения ослабить. Он мог быть ослаблен тремя способами: 1) сокращением долгого корневого гласного, 2) превращением долгого гласного в дифтонг и 3) ослаблением конечного *с* в *з*.

Тюркский праязык, очевидно, избрал третий способ. Во всех словах, содержащих долгий корневой гласный, конечный *с* превратился в *з*. Якутский язык, по мнению А. М. Щербака, сохранил первоначальное состояние, где *с* в абсолютном исходе слова оказался нетронутым, хотя в некоторых словах первичный долгий гласный превратился в дифтонг.

Внешне стройная гипотеза А. М. Щербака все же вызывает некоторые вопросы.

Если в туркменском языке в основном сохраняются долгие гласные, то почему в ряде слов туркменского языка *đ* (орфографически *э*), возникший из *з*, наличествует в слове после краткого гласного, который, по-видимому, был исконно кратким гласным. Приводим небольшой перечень этих слов: *дуз* 'правильный', *сөз* 'слово', *төз* 'дикий, пугливый', *гөз* 'глаз', *биз* 'мы', *йүз* 'лицо', *йылдыз* 'звезда', *омуз* 'плечо'. Нельзя сказать, что в туркменском языке нет долгих гласных *й, ö, и, i, ы*, ср.: *гуйз* 'осень' (*уй* из долгого *й*), *өт* (*ө : т*) 'желчь', *дуз* (*ду : э*) 'соль', *мис* (*ми : с*) 'медь', *изба-ыз* (*ы : зба-ы : э*) 'один за другим' и т. д. Долгий *о* в туркменском языке, по-видимому, вообще отсутствует.

Если сопоставить туркменское *тиз* (*ти : э*) 'быстро', то *з* могло возникнуть из *с*, согласно гипотезе А. М. Щербака, по причине необходимости ослабления участка напряжения, но почему оно возникло в *биз* 'мы', где *и* не было долгим? Якутское *биһи* или *биһиги* 'мы' также свидетельствует о том, что *и* здесь было исконно кратким. В личном глагольном окончании 1 л. мн. ч. *-быт*, например *асты-быт* 'мы открыли', *ы* также краткое, хотя первоначально долгое *ы* в якутском сохранялось, ср. як. *кыыс* 'девушка'.

В якутском *сулус* 'звезда' конечный гласный *у*, возникший из первичного *ы*, также краткий. Тем не менее в туркменском *йылдыз* имеется конечный *з*, возникший после краткого исконного гласного.

Следовательно, гипотеза А. М. Щербака не в состоянии объяснить происхождение конечного *з* после краткого гласного.

Далее. Почему в тюркском праязыке происходило ослабление участка напряжения только в тех случаях, когда слово с долгим

гласным оканчивалось на *с*, тогда как во всех других случаях глухой конечных согласных не озвончался? Ср.: турк. *ак* (*а : к*) 'белый', *ач* (*а : ч*) 'голодный', *гөк* (*гө : к*) 'синий', *от* (*о : т*) 'огонь' и т. д.

Если в тюркском праязыке происходило ослабление участка напряжения в словах с долгим корневым гласным путем превращения *с* в *з*, то почему это не происходило в других случаях? Глухие взрывные типы *т*, *ч*, *к* более трудно произносимы, чем проточный *с*.

Если принять во внимание эти соображения, то ослабление конечного *с* маловероятно. Оно совершенно асимметрично.

Если бы тюркское слово *кыз* 'девушка' происходило из *кыс*, то конечное *с*, вероятно, сохранилось бы как реликт в каких-нибудь тюркских языках в срединной позиции, например в притяжательных формах. Однако ни в одном тюркском языке нет форм типа *кысы* 'его девушка'.

А. М. Щербак также ссылается на то, что озвончение конечного глухого согласного после долгого гласного имело место также в азербайджанском языке, например аз. *ад* 'имя' из *ām*, *од* 'огонь' из *ōt*, *суд* 'молоко' из *сūt* и т. д.⁵

Озвончение ауслатных согласных как результат ослабления конца слова наблюдается в различных языках.

Приводимые А. М. Щербаком примеры, по нашему мнению, мало доказательны. Такие случаи, как *ад* 'имя' (из *ām*) и *ат* 'лошадь' (из *at*), *од* 'огонь' (из *ōt*) и *от* 'трава' (из *ot*), могли возникнуть в результате тенденции к устранению омонимии. Такие примеры, как *јад* 'чужой' (из *ḡām*) и *јат* 'лежать' (из *ḡat*), *өд* 'желчь' (из *ōt*) и *өт* 'проходить' (из *ōt*),⁶ не могут служить доказательством, так как коренные изменения в формах повелительного наклонения происходят крайне редко, поскольку такого рода изменения могли бы вызвать нежелательную дифференциацию глагольных основ.

А. М. Щербак основывает свою гипотезу на данных якутского языка, который, согласно классификации С. Е. Малова, относится к древнейшим тюркским языкам.⁷ В якутском языке, как известно, конечному *з* других тюркских языков регулярно соответствует *с*, ср. як. *кыыс* 'девушка', тат. *кыз*, як. *сулус* 'звезда', тат. *йолдыз*, як. *саас* 'весна', тат. *яз*, як. *буус* 'лед', тат. *боз* и т. д.

Если учесть, что во многих языках конечные звонкие часто оглушаются, то якутское конечное *с* могло быть результатом оглушения первоначального *з*.

Нам представляется, что гипотеза А. М. Щербака ошибочна, поскольку она не объясняет многих противоречий.

В тюркском праязыке был конечный *з*. Поэтому такое слово, как *кыз* 'девушка', восходит к архетипу **qyz*, а не **qys*.

Правда, звонкие согласные в конце слова в тюркском праязыке встречались не так уж часто, но они все же встречались. Во-первых, в абсолютном исходе слова возможны были сонанты *г*, *л*,

т, п. Кроме того, в праязыке было возможно конечное *g*, а также *γ*, ср.: тур. *dag* 'гора' из *tag. Было также и конечное *z*, которое могло находиться как после долгого, так и после краткого гласного.

Г. Ф. Саттаров в статье «К этимологии топонима Набережные Челны»,⁸ критически рассматривая различные попытки объяснить это название, дает собственное его истолкование. Он предполагает, что топоним *Набережные Челны* происходит от названия небольшой речки *Чаллы* (рус. *Челнинка*), протекающей через город. В Татарии довольно много топонимов (гидронимов и ойконимов), имеющих в своем составе слово *чаллы*; они встречаются почти во всех районах республики: *Иске Чаллы* (*Старые Челны*), *Яна Чаллы* (*Новые Челны*), *Югары Чаллы* (*Верхние Челны*), *Урта Чаллы* (*Средние Челны*) и т. д.

Значение речки *Чаллы* Г. Ф. Саттаров выводит из предполагаемого болгарского слова *чал* 'камень'+суффикс *-лы* со значением наличия изобилия предметов или признаков.⁹ *Чаллы*, собственно, означает 'речка с каменистым дном, или Каменка'.

Болгарская форма *Чаллы* на русской почве фонетически изменилась в *Чалны* > *Челны* (старинное русское *челн* 'лодка'). Полное же название — словосочетание *Набережные Челны* — оформлялось в русской речи постепенно. Исходная болгаро-татарская форма единственного числа *Чаллы* 'Каменистая' (речка) была воспринята русскими как форма множественного числа. Затем уже в связи с вторичной этимологией появились соответствующие эпитеты — вначале *Бережные Челны* (от слова *берег*) и, наконец, современное *Набережные Челны*.¹⁰

Г. Ф. Саттаров, однако, не замечает, что перечисленные им на территории Татарии топонимы *Старые Челны* и *Новые Челны* никак не могли произойти от названия речки *Каменка*. Названия *Старая Каменка* и *Новая Каменка* — сущая бессмыслица, поскольку речка не может быть ни старой, ни новой.¹¹ Если встать на ту точку зрения, что *челны* — это лодки, то название *Набережные Челны* такая же бессмыслица. Какими же еще могут быть *челны*? Ведь название *Набережные Челны* содержит в себе противопоставление.

Мы предполагаем, что слово *челны* когда-то означало просто лодочную пристань, около которой был расположен поселок. Когда возникло название *Бережные Челны*, позднее *Набережные Челны*, то оно возникло как противопоставление таким названиям, как *Старые Челны*, *Новые Челны* и т. п. От названия *Челны* происходит речка *Челнинка*.

Возможно, что название *челны* 'лодочная пристань' было воспринято татарами в форме *чаллы* и, по-видимому, было распространено в старотатарском языке.

Этимология Г. Ф. Саттарова содержит также ряд других погрешностей. Переделка камско-болгарского названия *Чаллы* 'Каменистая' (речка) в *Челны* не имеет под собой никаких психологи-

ческих оснований. Она просто невозможна. Кроме того, название речек в татарском языке часто содержит слово *елга* 'река'. Названия, состоящие из одного прилагательного, менее типичны.

Приведенные нами выше примеры наглядно свидетельствуют о том, как важно учитывать при исследованиях всякого рода мелкие детали.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М а м а н о в И. Е. Глагольные виды и их выражение в казахском языке. — В сб.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 32, 33.

² Х а р и с о в А. И. Способы выражения глагольного вида в башкирском языке. Там же, с. 55.

³ С е р е б р е н н и к о в Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 236, 237.

⁴ Щ е р б а к А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 55.

⁵ Щ е р б а к А. М. Сравнительная фонетика. . . с. 54.

⁶ Там же.

⁷ М а л о в С. Е. Древние и новые тюркские языки. — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1952, вып. 2, с. 137.

⁸ С а т т а р о в Г. Ф. К этимологии топонима Набережные Челны. Советская тюркология, 1974, № 3, с. 72.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 73, 74.

¹¹ «Старой» может быть названа река, если она представляет собою остаток старого русла, например Старая Яреньга. Прежнее название реки иногда переносится на неизвестную реку в случае переселения, но эпитет «новая» при этом не употребляется.